

ГРАЩЕНКОВ Илья Александрович — руководитель Центра развития региональной политики (103009, Россия, г. Москва, ул. Тверская, 9, стр. 4; delober@gmail.com)

ЦЕНзуРА ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СТАЛИНИЗМА

Аннотация. В статье представлен анализ документальных материалов, освещающих переход от партийной цензуры к государственной, основой которой стала система, созданная И.В. Сталиным. Автор показывает процесс оформления жесткого надзора над печатным словом. Инструментом контроля стала цензура в средствах массовой информации, в печати, а также в сфере культуры и искусства в целом. Особо отмечается, что к работе с литераторами активно подключались спецслужбы ОГПУ–НКВД. Система цензуры печати и литературного творчества позволила создать так называемую сталинскую мифологию о вожде, который пережил своего создателя.

Ключевые слова: власть, литература, печать, СССР, партия, Сталин, цензура

Исследование документов о работе аппарата ВКП(б) в эпоху сталинского «великого перелома» позволяет осмыслить процесс создания всеохватывающего контроля власти над литературой и печатью, а также над интеллигенцией как главным носителем печатного слова. И.В. Сталин позиционировался властью в качестве главного теоретика цензуры, который обосновал ее практическое применение и стал главным контролером во взаимодействии литераторов с партийными органами пропаганды, государственной цензурой в лице Главлита, особым сектором ЦК ВКП(б) — бывшим секретно-оперативным отделом ЦК РКП(б), Наркомпросом (с 1935 г. — Всесоюзный комитет по делам искусств) и прочими ведомствами.

После объявления в 1929 г. «великого перелома» литература перестала считаться собственностью автора, становясь частью корпоративной культуры, орудием пропаганды. Потребность в творчестве уже не являлась единственным условием создания произведений: запрос на литературный продукт формировало специальное ведомство Советского государства. Оно же стремилось вырастить и так называемого писателя нового типа. Среди литераторов, лояльных власти, разворачивалась конкурентная борьба, методы которой нередко сводились к доносам. Так, В.В. Оболенский (псевдоним — Н. Осинский) зимой 1929 г. отправил И.В. Сталину записку о литераторе Билль-Белоцерковском, в которой сообщалось, что последний состоит «в т.н. группе “Пролетарский Театр” (туда входят не только писатели-драматурги, но и вообще театральные работники), с которой Авербах и Киришон не в ладах... лица, ведущие кампанию, ухватились за еще одну газету, которую можно использовать. Не находите ли вы, что все это является неприличным интриганством, которое совершенно недопустимо в коммунистической прессе?» [Максимов 2005: 139]. А Демьян Бедный написал официальное письмо, в котором просил разобраться с главным редактором газеты «Правда» по причине того, что издание не одобрило один из его фельетонов [Максимов 2005: 141]. В этих условиях цензура становилась инструментом политической борьбы.

В документе начала 1930-х гг. один из тогдашних идеологов Кремля, бывший бухаринский соратник А.И. Стецкий писал французскому писателю Анри Барбюсу о рукописи книги под названием «Сталин»: «Некоторые эпитеты, которые Вы применяете к Сталину, как, например, “человек здравого смысла”, “практик” затемняют истинный образ Сталина как величайшего теоретика марксизма после Ленина и делают из него иногда, помимо Вашей воли, какого-то оппортуниста — эмпирика, целиком поглощенного тем, что Вы называете “приклад-

ным марксизмом”¹. Далее Стецкий вполне прямо высказывается о том, каким бы он и его руководство хотели видеть образ вождя: «В книге недостаточно дан образ Сталина-человека; не показан его стиль в работе, стиль его языка; не выявлены его многообразные связи с массами; не показано, какой любовью окружен Сталин. Вы не нуждаетесь ни в моих комплиментах, ни в моих похвалах, но мне хочется сказать Вам, что именно такой мощный талант, как Вы, призван дать этот величественный образ Сталина»².

Летом 1935 г. Бухарин сообщил Сталину о просьбе, высказанной в письме, полученном им от Романа Роллана: «Я хотел опубликовать во Франции мои впечатления о поездке и прежде всего мою беседу с т. Сталиным. Текст этой беседы был просмотрен и одобрен как Сталиным, так и мной. Казалось, что не должно было бы возникнуть никаких трудностей. Мы писали уже пять-шесть раз в Москву (Сталину, Горькому, Крючкову и др.), надеясь получить разрешение или узнать по крайней мере, какие именно части беседы могут быть опубликованы. Мы не получили ни одного слова в ответ – за исключением обещания Горького поговорить об этом со Сталиным»³.

Созданный Сталиным аппарат стремился не только взаимодействовать с литераторами, но и контролировать их, а после включения в общественно-политическую борьбу органов ОГПУ–НКВД контроль трансформировался в формы прямого руководства. В докладе секретно-политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год» отмечалось: «Год характеризуется, в основном, разгромом контрреволюционных организаций интеллигенции, оформившихся в начале реконструктивного периода (контрреволюционные группы в издательском деле СССР, в кинопромышленности <...> и выявлением нового типа формирований интеллигенции, для которых, прежде всего, характерен не только глубоко законспирированный метод антисоветской деятельности, но и сознательная, глубокая зашифровка деятельности под маской “идеологической непримиримости”, “высокой общественной активности”, “безоговорочной преданности партии” <...> нелегальные антисоветские произведения имеются у ряда московских писателей и антисоветских писательских групп, зачитываются в “своем кругу”»⁴. В разработку чекистов попадают даже детские писатели: «В Ленинграде вскрыта антисоветская группа детских писателей, захвативших в свои руки издание детской литературы и под прикрытием “зауми” проводивших мистико-идеалистические установки»⁵. В 1933 г. НКВД СССР активно участвовал в подготовке I съезда Союза советских писателей: чекисты проверяли составы всех делегаций союзных республик и областей России, были заранее подготовлены справки с компроматом на многих делегатов (об их связях с иностранцами и «антисоветской деятельности»)»⁶.

Вмешательство государства в газетную, информационную, печатную, художественную, театральную и кинематографическую сферы постепенно принимало характер тотального контроля. В конечном итоге безусловным критерием становился личный вкус вождя, а выстроенная вертикаль власти принимала решения, руководствуясь принципом лояльности первому лицу.

Личный вкус вождя формировал все модные тенденции. Так, Сталин лично

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 124.

² Там же. Л. 125.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 43а.

⁴ *Власть и художественная интеллигенция*. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия». 1999. С. 201.

⁵ Там же. С. 206.

⁶ Там же. С. 254.

просматривал новые кинокартины и прямо в зале во время просмотра правил сюжет или же давал «зеленый свет» картине. Например, картину «Веселые ребята» в июле 1934 г. вместе со Сталиным смотрели К.Е. Ворошилов и Б. Шумяцкий. Последний свидетельствовал: «Вот здорово продумано. А у нас мудрят и ищут нового в мрачных “восстановлениях”, “перековках”. Я не против художественной разработки этих проблем. Наоборот. Но дайте так, чтобы было радостно, бодро и весело <...> Первый раз я испытываю такое ощущение от просмотра наших фильмов, среди которых были весьма хорошие» [В зрительном зале... 2003: 102]. Иногда Сталин отмечал, какие он хотел бы видеть изменения в картине. В записи беседы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А.А. Жданова с Б. Шумяцким во время просмотра фильма «Юность Максима» 1 января 1935 г. сказано: «Коба говорит, что он часто не понимает, неужели авторство ослепляет и мастер, допускающий длинноты, замедленность темпа действия не понимает, что он сам сильно вредит смыслу и успеху своего произведения. Надо, чтобы об этом крепко писали и говорили критики» [В зрительном зале... 2003: 214]. Сам Сталин рассматривал кино в качестве искусства для широких масс: «Можно создать большие фильмы – воспитательные. Не нужно только все вгонять в тоску, в лабиринт психологии. Не нужно, чтобы люди занимались никчемным философствованием» [В зрительном зале... 2003: 187].

Важным направлением в работе с литераторами стало создание системы мотивации и вознаграждений. В этом случае литературный текст больше не принадлежал автору, его окончательное содержание оставалось прерогативой директивных органов, т.е. текст мог существенно меняться на каждом уровне цензурной правки в зависимости от прохождения по ступеням вертикали власти. Исключения не делались даже для иностранцев. Так, в проекте постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о положении иностранных корреспондентов в СССР предлагалось «принять меры к устранению поводов для справедливых жалоб инкоров на стеснительные меры цензурирования как в смысле техники, так и в других отношениях»¹. Однако этот пункт был вычеркнут из проекта постановления.

Принятие решений зачастую было продиктовано сиюминутными желаниями вождя. Но механизм реализации сталинских решений был четко отлажен, репрессивные органы работали в тесной связке с партийными (местные ячейки, комсомол), а также с профсоюзами и творческими объединениями. В механизме функционирования культуры сложился «неформальный» аппарат сталинской эпохи: многомиллионная армия доносчиков, которая в конечном итоге играла значительную роль в деле становления одной из самых жестких форм цензуры – самоцензуры.

При этом постоянной перетряске и чистке подвергались и сами члены сталинской команды. Так, А.И. Стецкий был арестован и расстрелян в 1938 г. как участник антисоветской организации правых. Поэт Д. Бедный был исключен из партии и Союза писателей за «моральное разложение». Так, в справке НКВД сказано: «Бедный в резко антисоветском духе высказывался о Конституции СССР, называя ее фикцией: “Выборов у нас, по существу, не было. Сталин обещал свободные выборы, с агитацией, с предвыборной борьбой. А на самом деле сверху поназначали кандидатов, да и все”»². По документальной информации чекистов, Д. Бедный якобы выступал против лично Сталина, Молотова и других руководителей ВКП(б). В документах зафиксированы его разговоры: «Зажим и террор в СССР таковы, что невозможна ни литература, ни наука, невозможно никакое

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 830. Л. 19.

² *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия». 1999. С. 269.*

свободное исследование. У нас нет не только истории, но даже и истории партии. Историю гражданской войны тоже надо выбросить в печку — писать нельзя. Оказывается, я шел с партией, 99,9% которой шпионы и провокаторы. Сталин — ужасный человек и часто руководствуется личными счетами. Все великие вожди всегда создавали вокруг себя блестящие плеяды сподвижников. А кого создал Сталин? Всех истребил, никого нет, все уничтожены. Подобное было только при Иване Грозном»¹.

Оценка сталинской системы позволяет констатировать, что управление цензурой имело определенный успех благодаря наличию бюрократического аппарата. Периодически аппарат перестраивался, менялись действующие лица, но не менялась вертикаль власти в целом, более того, централизация власти еще более усилилась. В сводке НКВД осенью 1936 г. упоминается о настроениях писателя И. Бабеля в связи с завершением процесса так называемого антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра: «Вы не представляете себе и не даёте себе отчета в том, какого масштаба люди погибли и какое это имеет значение для истории. Это страшное дело. Мы с вами, конечно, ничего не знаем, шла и идет борьба с "хозяином" из-за личных отношений ряда людей к нему. Кто делал революцию? Кто был в Политбюро первого состава?» Бабель взял при этом лист бумаги и стал выписывать имена членов ЦК ВКП(б) и Политбюро первых лет революции. Затем стал постепенно вычеркивать имена умерших»².

Представляется, что И.В. Сталину удалось добиться в стране определенного согласия политических элит, основанного на атмосфере единомыслия и безоговорочной поддержки лично Сталина. Спецорганы бдительно следили за проявлениями инакомыслия. Так, в спецсправке секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР о настроениях среди писателей отмечались негативные факты после чтения «Челюскинианы» Пастернака: «В беседе после читки почти все говорили об усталости от "псевдообщественной суматохи", идущей по официальной линии. Многие обижены, раздражены, абсолютно не верят в искренность руководства Союза советских писателей, ухватились за переделькинскую дружбу как за подлинную жизнь писателей в кругу своих интересов»³.

Особо следует отметить появление нового эпистолярного жанра во взаимодействии литераторов со Сталиным — это письма как от соратников, родных и близких, так порой и просто незнакомых ему людей. В секретном отделе ЦК партии составлялись специальные сводки на имя вождя, а несколько десятков наиболее важных писем доходили до него лично. Например, поэт Д. Бедный написал Сталину письмо о том, что он был выселен с территории Кремля. В ответе сообщалось: «Это вызвано необходимостью не допускать скандалов (вызываемых, конечно, не Вами), которых не должно быть в стенах Кремля. Странно было бы рассматривать переезд из Кремля как попытку "оторвать" Вас или "отдалить" от партии, от дела. Сами знаете, что сотни ответственных и уважаемых товарищей живут вне Кремля (в том числе М. Горький), что, однако, не вызывает ни у кого сомнения насчет их близости к партии, к Кремлю»⁴. Писатель Леонид Леонов в письме «О творческих проблемах» доверил Сталину решение своей творческой судьбы: «После романа "Дорога на океан", побитого и уже не издаваемого, я пробовал свои силы в театре <...> Я выбит из колеи, вынужден оставить новую начатую работу. В эту крайнюю минуту у меня нет иного выхода, кроме обращения к Вам. Если это отношение ко мне заслужено мною, не лучше ли мне оставить мою

¹ Там же. С. 425.

² Там же. С. 429.

³ Там же. С. 452.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 68.

профессию и искать других путей быть полезным моему народу. Я представляю на Ваш суд мою писательскую судьбу»¹.

Таким образом, в 1930-е гг. И.В. Сталин стал центральной фигурой всей общественно-политической и культурной жизни страны, частью которой являлась печать и литературное творчество. Постепенно от прямой цензуры, запретов и расправ осуществлялся переход к самоцензуре. Писатели и журналисты стремились угадывать вкусы вождя, пытаясь предугадать его реакцию, угодить ему. Внутрицеховая борьба среди литераторов велась в основном за материальные и финансовые ресурсы, а не по идеологическим соображениям, начинало процветать доноительство, интриганство, война компроматов. Органы ОГПУ–НКВД стали играть главенствующую роль в деле взаимодействия власти и общественности.

«Закручивание гаек», ужесточение репрессий в отношении оппозиционно настроенной интеллигенции были характерным явлением в эпоху сталинизма. В сознании людей Сталин стал единственным центром принятия решений, возвышаясь над своим аппаратом, нередко беря на себя роль независимого арбитра. Принципиальные аппаратные решения принимались директивно и единолично, а репрессивные органы лишь воплощали их в жизнь. Формировался образ великого вождя, который впоследствии будет назван культом личности. Система цензуры печати и литературного творчества позволила создать так называемую сталиниану – миф о вожде, который пережил своего создателя.

Тематика по истории сталинизма в настоящее время актуальна, она освещается в различных ракурсах и подходах [Лапшин 2015а, 2015б]. Представляется, что данная тема имеет важное практическое значение для современной России [Васильев 2011, 2012а]. Кроме того, изучение в контексте темы функционирования политической системы государства взаимоотношений власти и общества способствует приращению современного исторического знания и использованию различных методов в историческом познании [Васильев 2006, 2012б, 2012в].

Список литературы

Васильев Ю.А. 2006. «Кризис истории» – кризис понимания истории. – *Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 35-40.

Васильев Ю.А. 2011. Очень странный российский капитализм. – *Власть*. № 9. С. 4-6.

Васильев Ю.А. 2012а. О факторах риска в условиях капиталистической модернизации в России: цикличность кризисов. – *Власть*. № 10. С. 18-22.

Васильев Ю.А. 2012б. *Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление*. М.: КД «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Васильев Ю.А. 2012в. Взгляд на эпометаморфоз сквозь призму всемирно-исторической точки зрения. – *Век глобализации*. № 1. С. 46-57.

В зрительном зале Сталин, или «Записки Шумяцкого». 2003. М.: Международный фонд «Демократия». 340 с.

Лапшин А.О. 2015а. За нами – правда истории. – *Власть*. № 10. С. 237-240.

Лапшин А.О. 2015б. История Великой Победы. – *Знание. Понимание. Умение*. № 4. С. 351-357.

Максимов Л.В. 2005. *Большая Цензура*. М.: Материк. 750 с.

¹ Там же. Д. 761. Л. 49.